

УДК 394.11+93(093)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА»

Л.В. Фомина

Аннотация

В статье анализируются тексты журнала «Всякая Всячина» (1769 г.) на предмет формирования представлений у читающей публики о народах Российской империи. Описание народов анализируется на фоне маскарадности и театрализованности культурной жизни конца XVIII века. Выявляются механизмы создания образа народа, критерии отнесения к нему и границы общностей, рассматривается влияние идей Просвещения на формирование представлений о населении Российской империи.

Ключевые слова: идеи Просвещения, критерии принадлежности, образ народа, дихотомия «цивилизация-дикость», театрализованное действие, национальный характер, народные обычаи и традиции.

Время правления Екатерины II исследователи всегда соотносят с веком Просвещения в России, с активным заимствованием и применением в российской действительности наиболее известных теорий европейских просветителей, с постижением их способов и методик описания и изучения окружающего мира, а также с дальнейшим порождением подобных западным теоретических конструкций в отечественной интеллектуальной среде.

Именно как просвещенное всегда и везде позиционировала свое правление «мать Отечества» Екатерина II в стремлении быть Первой (прогрессивной, успешной, всемогущественной) как в сознании собственных подданных, так и в представлении мирового сообщества. Устремления императрицы были подкреплены «правильным» (сочувствующим) окружением, постоянным культурным обменом с Западом, а также хорошо изученным «исходным материалом», который необходимо было преобразовывать и использовать в наставлениях.

В целом можно утверждать, что весь XVIII век в российской истории явился периодом постепенного перехода от средневекового видения мира к нововременному, по европейскому образцу, типу мышления, культуры. Предпосылки, заложенные в середине XVII века, были максимально, хотя, возможно, не совсем многосторонне, использованы во время правления Петра I. После смерти реформатора и его волевой посыл, и внутренняя потребность самого русского социума способствовали дальнейшей европеизации империи и созданию светской культуры на новых основах: рациональности, идеях динамизма и прогресса, системности и др.

Невозможно не отметить также, что в XVIII веке российское общество перестало быть традиционным, когда создание единого коммуникационного пространства осуществлялось с помощью слухов, легенд, мифов, и постепенно переходило к развитому, современному обществу, где информация, надежная и своевременная, становится ценностью, а коммуникация между людьми является важным фактором развития общества [1, с. 10–13].

Согласно современному философскому словарю, коммуникацию можно определить как «специальную область человеческой деятельности, которая возникла и развивается обществом в целях взаимного обмена мыслями, взаимопонимания и согласованного действия в различных областях практической жизни и науки» [2, с. 256]. Можно сказать, что во второй половине XVIII века была весьма развита именно письменная коммуникация: мемуары, дневники, переписка, публицистика, переводы, периодическая печать. Такое явление связано в первую очередь с постоянной заботой российской власти, на протяжении всего XVIII века, об образовании подданных, об улучшении условий и возможностей научных исследований, с поощрением литературной и другой интеллектуальной деятельности. Так что ко времени вступления Екатерины Алексеевны на престол российская аристократия характеризуется не только как активно читающая аудитория, но и как активно пишущая часть общества, желающая оставить след в истории, зафиксировать самое себя (см. [3]).

Любая коммуникация, особенно письменная, имеет своего субъекта. И, как показала исследователь социологии журналистики Т.В. Науменко, субъектами массовой коммуникации являются социальные группы, реализующие с помощью коммуникации внедрение в общественное сознание необходимых ей сведений, представлений, установок [4, с. 66–68]. Во время екатерининского правления к таким «социальным группам» относилась в первую очередь сама власть, а в дальнейшем – и просвещенные дворяне (дворяне-философы).

Какие сведения внедряла в сознание современников императрица Екатерина II? Прежде всего, культуру Просвещения и ее установки, то есть морально-нравственный и ценностно-мировоззренческий моменты, далее, некоторые политические и гражданские аспекты и, конечно, поучительно-развлекательный элемент. Соединение всех этих компонентов было достигнуто с помощью периодического издания широкой направленности.

Периодическая печать в екатерининскую эпоху не была массовым явлением, но необходимо подчеркнуть, что она уже стала потребностью образованного общества. С начала XVIII века издание журналов было делом сугубо государственным и субсидировалось правительством, лишь в 1759 году Сумароков организует первый частный журнал в России. В последующее десятилетие возникли еще 6 периодических изданий, большинство из которых не выдерживали более одного года издания.

В 1769 году в Санкт-Петербурге начинает издаваться журнал «Всякая Всячина», инициатором создания и основным автором которого выступила сама Екатерина II. Существует версия, что главной причиной, побудившей императрицу создать повременное издание, стали ее неудовлетворенность работой Уложенной комиссии и желание таким образом повлиять на настроение и умы образованной аудитории [5]. На наш взгляд, Екатерина II стремилась использовать

любые средства воздействия на общество с целью сформировать нужное ей общественное мнение. Так, с первого листа журнала Екатерина II дала ясно понять, что она стремится дать пример и надеется на появление подобных «Всякой Всячине» периодических изданий. Советские исследователи журналистики екатерининской поры в основном отмечали сатирическую направленность «Всякой Всячины». В частности, ими было детально изучено противостояние этого журнала с новиковским «Трутнем» по вопросу о назначении и формах сатиры [6].

Прообразом «Всякой Всячины» послужил популярный английский журнал «Spectator», издававшийся Дж. Аддисоном и Р. Стилем в 1711–1712 гг. [7, с. 136]. Как и в английском прототипе, во «Всякой Всячине» в основном публиковались эссе на нравоучительные темы, высмеивающие современные пороки и показывающие правильные образцы поведения. Журнал «Всякая Всячина» выходил каждую неделю по пятницам тиражом 1000 экземпляров. Большинство статей, если не сказать все, «Всякой Всячины» оформлены в виде корреспонденции, якобы поступившей на имя «господина сочинителя» данного журнала. Предполагается, что сам издатель «присутствует» в журнале лишь как комментатор писем, советчик, судья, исполнитель. Он, как сторонний наблюдатель, раскладывает перед читателем пасьянс из различных судеб, многообразия ситуаций, реальности как она есть.

Каждая корреспонденция «Всякой Всячины» имела конкретное авторство (полностью вымышленное), которое выражалось как в содержании письма, так и в подписи. Весьма интересно, что часто в роли «авторов» писем выступали люди, принадлежащие к разным народам. Так, наиболее распространено упоминание в журнале татар (крымские, «тамошные», касимовские), на страницах «Всякой Всячины» встречаются также камчадал, немец, венецианец, голландец, грузин, русак, нерусская, запорожец, сарматы, славяне, французы, турки.

Такое разнообразие народов можно вполне представить в виде маскарада или театрализованного действия. Как отмечал Ю.М. Лотман, театр в XVIII – начале XIX вв. был не только развлечением, но и способом существования и конструирования реальности [8]. Люди екатерининской эпохи в повседневной жизни использовали маски античных героев, персонажей известных пьес или любимых книжек, перевоплощаясь и играя роль по всем правилам драматического искусства, что принималось остальным обществом за норму. Так и во «Всякой Всячине» автор как бы примеряет на себя различные маски, олицетворяющие народы, и от их лица обращается к читателю. Для такой игры писатель должен как максимум знать характерные черты данного народа, а как минимум он может представить или сконструировать эти особенности. Таким образом, преследуя своими публикациями в журнале различные цели, Екатерина II параллельно формировала представление о народах Российской империи, вводила их в круг размышлений образованного общества.

* * *

Естественной для просвещенного зрителя была маска цивилизованного наблюдателя, высококультурного путешественника, описывающего примитивные народы, дикость и варварство. Этот тон «старшего брата», то наставнический,

то насмешливый, при описании народов присутствует и в листах «Всякой Всячины», что говорит о принимаемом ей европейском взгляде и желании входить в число цивилизованных стран.

Для европейцев самым известным и часто описываемым восточным народом являлись татары. Как пишет в своей знаменитой книге Ларри Вульф, «в XVIII веке «Татарией» называли обширную и географически не очень четко представимую территорию, простиравшуюся от Крыма до Сибири. ...Само слово «татары» придавало привкус варварства областям, гораздо более обширным и аморфным, чем собственно «Татария». «Татары» встречались каждому, кто проезжал через Восточную Европу» [9, с. 81–82].

Екатерининский журнал также не обошел тему дихотомии «цивилизация-дикость», которая особенно ярко представлена в эссе, посвященном проблеме лжи. Некий просвещенный автор в листе №69, имея намерение «сделать сильную вылазку противу лжи и лгунов», адресует прежде всего к традициям негуманных народов: «Не помню на сей час, в которой земле сделан закон, по которому лжецам прокалывают язык горячим железом» [10, л. 69, с. 180–181]. Далее автор обращается к представлениям по этому вопросу своего слуги-татарина, используя при этом снисходительно-иронический стиль повествования: «Он (татарин. – Л.Ф.) говорит, что он только бы желал, чтоб позволено было за всякую ложь плевати в рожу или обмарати грязью того, кто лжет... Скажут, что сие наказание невежливо и нечистоплотно. Но он подтверждает, что оно по естеству преступления; ибо ложь есть осквернение души. Сколько же заплеванных рож было бы, если бы мой Татарин был законодавец!» [10, л. 69, с. 181].

Другим примером подобного подхода при описании народа и его особенностей может служить история знакомства казака с женщиной, помещенная в листе № 124 «Всякой Всячины». Во вступлении автор письма поясняет свою неловкость в общении со «слабым» полом так: «Я, сударь, Запорожец: мы живем так, как бы некоторого рода монахи, у нас нет ни одного козака женатого, по чему и ни одной женщины во всей Сечи не сыщешь; обычаи наши столь строги, что велят казнить того, кто женится» [10, л. 124, с. 329]. Конечно, подобное письмо нельзя считать истинным случаем, скорее это удачный анекдот для иллюстрации важности галантных и обходительных манер в обществе. И все же, даже несмотря на кажущуюся абсурдность такого «казацкого обычая», читателю опять-таки представляется модель низовой культуры и дикого поведения, нуждающегося (и, собственно, уже осознавшего эту необходимость) в просвещении.

Как нам кажется, невозможно представить наш импровизированный маскарад без маски иностранца, представителя европейского народа. Помимо столь знакового и важного персонажа для русской культуры, как француз (речь о нем будет идти ниже), в журнале «Всякая Всячина» присутствует «обрусевший» немец, на примере письма которого можно проследить отношение автора журнала к самоидентификации людей, его представления об установлении принадлежности к определенному народу. В одном из писем в журнале иностранец-ремесленник представляет себя подобным образом: «Я серебряник, хотя не здесь родился, я Русь люблю. Не один я немец, кого она кормит, дай

Бог чтоб все к ней тут же благодарность чувствовали» [10, л. 13, с. 38–39]. Судя по этому высказыванию, автор считает себя немцем по месту рождения, но, проживая в другой стране, испытывает к ней благодарность и привязанность, как к родной. Иначе говоря, издатель иллюстрирует идею, что, даже не будучи прямо связанным происхождением с Россией, можно чувствовать себя россиянином, быть ее полноправным членом. Критерием принадлежности здесь могут выступать патриотизм и самоопределение (русскость как вариант гражданства).

Помимо типичных представлений об идентификации по рождению или по месту проживания, встречаются в журнальном тексте и необычные ситуации, связанные с принадлежностью героя. В одной из корреспонденций автор подписался Смесью. Объясняя свой странный псевдоним наличием предков различных национальностей, он писал: «Я иначе не мог себя назвать, понеже прапрадед мой был Венецианин, потомки его Голландцы, мать моя Грузинка, а я Русак» [10, л. 19, с. 55]. Почему же в конце концов он определил себя «русском»? Судя по тексту письма, это связано с рождением и проживанием на российской территории. Важно, что «русак», скорее всего, автором письма понимается не как народность, а как гражданство, ведь «по крови» он «смесь».

В другом письме автор при описании себя использовал отрицание, а не название народа. «Прошу, господин сочинитель, меня извинить, что я не очень складно писала; я не русская, хотя родилась здесь, а по несчастью воспитана почти в Азии; писать же я выучилась самоучкою» [10, л. 84, с. 219]. Скорее всего, речь идет о представителе другого народа, проживающего на просторах Российской империи. Отсюда важным моментом, на который стоит указать в этом маленьком отрывке, являются сведения о воспитании «почти в Азии», что в просвещенческом дискурсе уже указывает на дикие нравы, и тут же видим добавление о самостоятельном освоении письма, письменной культуры, что в этом же поле осмысления говорит о проникновении цивилизации, о возможностях перехода «от тьмы к свету», об облагораживающем влиянии русской культуры. Другими словами, Екатерина II здесь, как и в случае с «Антидотом»¹, показывает свою осведомленность о состоянии культурного уровня своих подданных, своих народов, но, предвосхищая скорые выводы иностранцев, указывает на прогресс в «окультуривании», говоря от лица самого бывшего дикого народа.

Начиная с Петра Великого правительство было озабочено необходимостью иметь в своем распоряжении всевозможные сведения о стране для утилитарного использования, например сведения о народах и их занятиях. Это также укладывалось в рамки просвещенческого проекта науки, который проповедовал всевозможное знание, знание обо всем, что прекрасно иллюстрируется известной «Энциклопедией» Дидро и др.

Для получения достоверных, всеобъемлющих и полных знаний о России Академия Наук по инициативе власти на протяжении всего XVIII века организовывала различные экспедиции, научные поездки и даже опросные листы для местных административных деятелей. Поступающие при этом сведения частично

¹ В 1768 г. французский ученый Шапп д'Отрош опубликовал сочинение «Путешествие по Сибири», в котором описал дикие нравы русских людей. Екатерина II написала на французском языке «Антидот», опровергая его представления.

публиковались в типографии при Академии, частично переводились и поступали на западный рынок и в полном объеме могли быть использованы императорской властью. Предположительно подобным образом поступившие сведения были применены издателем «Всякой Всячины» при описании народа Камчатки. Итак, автор надел маску камчадала.

Основной целью письма некоего Аришлая Шуши (камчадала), опубликованного в листе № 12, было показать отношение к самому журналу «Всякая Всячина» со стороны читателя. Здесь описание бытовых особенностей «камчадалов» выступало, с одной стороны, примером для подражания в аккуратности и чистоте, с другой стороны, иллюстрацией тяготения читателя к журнальным островам. Автор, назвавшись камчадалом, имеет возможность как бы изнутри показать все особенности этого народа. «Родом я камчадал. У нас хлеба почти вовсе не знают, мы кормимся одною гнилою рыбою, все прочие кушания не дополно имеют остроты для нас. В юртах же наших мы наблюдаем великий порядок: тамо вы не увидите вместе брошенной оловянной посуды и пуховины или собачьи своры да конфетов, но всякая вещь имеет свой угол и хотя места и немного, все однако же порядочно поставлено и положено» [10, л. 12, с. 37]. Аришлай Шуши получил возможность говорить о своем народе только после того, как приобщился к знаниям и письменной культуре, но вместе с этим он приобрел и европейский взгляд на дикие народы. Это описание концентрируется на «необычных» вещах, особенностях, которые не будут выделяться в глазах обывателя, их заметит только пришелец. Так, представитель неграмотного, дикого, «немного» камчадальского народа стал «своим среди чужих и чужим среди своих». Письмо камчадала могло служить постулатом просвещенческой идеи о воспитании: «человек обладает некоей неизменной природой, от которой зависят присущие ему качества; но он зависит и от среды, и потому подлежит совершенствованию посредством воспитания. Он зависит от своей природы, но если эту природу исследовать, то на нее можно сознательно воздействовать» [11, с. 303].

Тему сибирских народов России продолжила «Всякая Всячина» в листе № 26, напечатав письмо татарина Ибрагима Курмаметова. Ссылаясь на письмо камчадала Шуши, Курмаметов называет его своим «земляком». «Родился я в Сибири близ реки Иртыша. Предки мои тамошние Татары, так по ним и я стал не Русак» [10, л. 26, с. 75]. Как видно, это уже второй случай, когда автор использует понятие «не русак», «не русская» как оправдание принадлежности к другому народу в границах русского государства. Далее идет пространный рассказ о том, как автор письма выучился самостоятельно русскому языку и стал заядлым книголюбом, вскоре ему пришлось покинуть родные края, но в то же время он говорит: «Не могу забыть обычая своих одноземцев, которые хотя и грубы, однако совестны» [10, л. 26, с. 76]. Автор показывает, что, несмотря на дику культуру дальних народов России, даже в этом состоянии они имеют нечто положительное в характере, как, например, аккуратность камчадалов или совестливость и упорство сибирских татар.

* * *

Как мы уже писали, театральность культуры XVIII – первой половины XIX вв. связана не только с маскарадом, но и с театром. В журнале «Всякая Всячина» также состоялась своя «театральная постановка». Основными действующими лицами здесь выступили авторы писем: Евдоким Примечаев, Елисей Прямыков, Стоиков, а также Хрипухина и Трудолюбцев и др. Конечно, здесь невозможно было соблюсти единство места, времени и действия. Письма и отзывы, составившие пьесу, помещались во «Всякой Всячине» и в других журналах в течение всего 1769 года. Но что действительно «соблюдено» – это поэтапность развития сюжета: завязка, кульминация и развязка. Как считают исследователи, «в нововременном искусстве символический подтекст (средневековой культуры. – Л.Ф.) утрачивает свое главенствующее значение, вследствие чего на первый план в системе эстетических ценностей выступает занимательность. Несущей конструкцией художественного произведения становится событие, само по себе рассматриваемое как объект интереса; отсюда все возрастающее значение в нем сюжета, фабулы, действия» [12, с. 86].

Итак, завязка сюжета. В письме некоего господина Примечаева говорится об испорченности нравов русских из-за влияния татар. Необходимо отметить аргументацию, к которой прибегает автор, объясняя свое обращение к этому вопросу. «Живучи во свете, я старался с молодых лет узнать обычаи и нравы разных областей и потом сравнивать оные, дабы их начало спознать» [10, л. 11, с. 35]. Любопытство Примечаева до обычаев и нравов привело его к вопросу о национальном характере русских людей. Примечаев предлагает разделить «наши» нравы на «природные» и «татарские», которые «от старинных злодеев наших крымских татар». «Все хорошие обычаи суть природные российские; все же дурные суть татарские» [10, л. 11, с. 35]. Причину, побудившую Екатерину II так неприглядно писать о части своих подданных, раскрыл в своей статье Ю.В. Стенник, показав, что императрица выступала только против крымских татар, которые были сторонниками Турции в войне против России в это время [13, с. 85–95].

Но сила обвинения не могла не породить резонанс: в таком же едва появившемся журнале Чулкова «И то и сию» публикуется анонимное «Противоречие г. Примечаеву», приписываемое Сумарокову. В этом письме автор вступает за татарский народ, приводя различные доводы своей правоты от простейших («верьте на слово») до исторических разысканий. Заявляя, что «жестокосердные люди во всех народах сыскиваются...» [14, февр., 6 неделя, с. 18]¹, Сумароков обращается к прошлому страны. Он рассматривает древние племена, обитающие на территории Российской империи, как потенциальных носителей будущего национального характера русских людей. Даже покоренные и смешавшиеся со славянами сарматы могли оставить след в народе. «Остатки художества в нашем народе от Сарматов, смешившихся со Славянами, когда Славяне их завоевали и покорили. Славяне сами суть отрасли Цельтов, соплеменников

¹ Страницы даны по экземпляру журнала «И то и сию», который хранится в Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. Нумерация была проставлена вручную.

Скифам» [14, февр., 6 неделя, с. 17–18]. Само представление о происхождении русского народа от сарматов вошло в российское сознание лишь в середине XVII века от киевских ученых монахов. Исследователь этого вопроса Пол Бушкович считает, что именно с появления в тексте сарматского племени в российском самосознании появляются национальные элементы. «Симеон (Полоцкий. – Л.Ф.) привносит в русскую культуру польское учение о древних сарматах как предках славян. Сарматская тема принесла с собой не только экзотическое для русских название античного племени, но совершенно новый «этнический» момент. Наряду с русским православием, царем и династией, правящей определенной территорией, Симеон вводит «нацию» – славян и их предков» [15, с. 112–113].

Интересно другое. Сумароков проводит связь скифов с современными автору французами (и вообще европейцами) для того, чтобы перенести вину за нравственность русских на увлеченность французским воспитанием и культурой. Следовательно, сама концепция господина Примечаева о двух составляющих характера – природном и привнесенном – не отвергается Сумароковым, а лишь корректируется. Отрицательные черты можно воспитать, усвоить, а в случае с письмом Примечаева во «Всякой Всячине» – зафиксировать во времени и передавать в поколениях, так, чтобы позже можно было сказать, что в национальном характере есть истинно русское и что есть чуждые вкрапления.

В ответе Сумарокова дается характеристика самих татар, как в прошлом, так и в современном для автора времени. У предков татар автором отмечаются «истиннолюбие и геройство», которые также приписываются и русским предкам. В современных условиях автор отмечает разделение внутри народа по условиям, но единство татар в народном характере. «Татары, не только благородные, но и остатки нижайших их отраслей суть люди добрые: а народы их в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас ни каким зарезать худом» [14, февр., 6 неделя, с. 17].

Через неделю в этом же издании появилось следующее письмо в защиту татарского народа. Некий Елисей Прямыков, происходящий «из рода Татарского», но по рождению причисляющий себя к русским, благодарил издателя журнала «И то и сию» за письмо Сумарокова. Этот смешанный по крови человек представлял себе основные черты характера татар такими: «они суть истиннолюбвы, справедливы во всем, и хранят добродетели тщательно, по начальному на том основании» [14, февр., 8 неделя, с. 33–34].

В то же время издатель «Всякой Всячины» продолжал проводить свою линию, направленную на очищение русских нравов от чуждых, вредных вкраплений. Так, например, в письме господина Примечаева во «Всякой Всячине» упоминалась некая созданная им «ропись» татарских обычаев, встречающихся у русских людей. К сожалению, издатель не поместил в журнале этот список, находя нужным использовать его на свое усмотрение в дальнейшем. А использовал он его следующим образом: в листе № 16 было помещено письмо «мистифицированной» госпожи Хрипухиной, в котором она просит рассудить «Всякую Всячину», чей есть «обычай не сдержатъ данного слова». В ответе журнала содержится не только обвинение в этом обычае татар, но и региональное уточнение – крымских татар. «В удовольствие госпожи Хрипухиной объявляем всем

и каждому, что не сдержать данного обещания, есть обычай по сообщенной нам росписи, о коей упоминается под числом 11, Всякой Всячины, Крымских Татар: а старинный российский есть, сдержать данное слово, дабы не стыдно было, тут же изъятия нет, в безделице ли, или в важном деле; ибо обман все есть обман» [10, л. 16, с. 47].

Другой корреспондент «Всякой Всячины», Ефим Трудолубцев, также решился уточнить по списку Примечаева первоисточник обычая «стыдиться иметь жену» и обычая «показаться вместе с женою в людях». Комментарий издателя отнес первый обычай к татарским, а второй – к французским обычаям, отсюда такое поведение издатель считал «за дурный татарофранцузский обычай, а отнюдь оный не русский. Праотцы наши любили жен своих как самих себя» [10, л. 113, с. 301]. Подобное совместное упоминание татар и французов присутствовало в тексте Сумарокова в «И то и сию», в котором французы, их школы и перенимаемая французская культура обвинялись в развращении русских, но никак не татары. Опираясь на эти данные, Ю.В. Стенник доказывает, что основной целью Екатерины II были не столько крымские татары, сколько французы, интригующие против России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., якобы предугаданные Сумароковым. Таким образом, Екатерина II использовала в пропагандистских, политических целях тему народов и особенностей их характеров. Можно предположить, что эта тема была важна для аудитории, а такая постановка вопроса смогла привлечь внимание читателей и должным образом воздействовать на их сознание.

Кульминационный момент был разрешен практически на исходе 1769 года, в ноябрьском листе «Всякой Всячины». Екатерина II решила несколько реабилитировать в глазах читателей татарский народ, поместив в журнале письмо некоего Стоикова. В самом начале послания корреспондент (как бы нарочно) обозначает место своего проживания: «Один приятель мой прислал ко мне в деревню, коя находится в околности города Касимова» [10, л. 132, с. 350]. Таким образом, читатель должен был легче поверить словам Стоикова, который не мог не быть лично знакомым с татарским народом. Стоиков подчеркивает в характере татарского народа те же черты, что встречаются и в текстах из журнала «И то и сию» – честность и истиннолюбие. «Сколько у нас есть Выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великие произошли достоинства; они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым» [10, л. 132, с. 351]. Автор письма использует аргументы и риторику Сумарокова о происхождении самих русских и их нравов. «Прежняя Российская история довольно свидетельствует, что когда Славяне, от коих мы происхождение имеем, по покорении Сарматов с ними смешались, то сии худые обычаи и нравы от них в наследие нам достались» [10, л. 132, с. 352]. Следовательно, и на страницах «Всякой Всячины» была принята версия Сумарокова, что татары имеют добрые нравы и не могли плохо повлиять на русских, так как характер последних был «испорчен» еще раньше смешением славян с сарматами. Делая далеко идущие выводы, можно заметить, что такая концепция подтверждала, пусть и не лучшим способом, большую близость русско-славянского народа к европейским народам, чем к восточному, татарскому миру.

* * *

В период своего правления Екатерина II прекрасно понимала, что не могла править как Петр Великий по двум причинам: из-за нелегитимного присвоения российского трона и огромного авторитета дворянских кругов. Обе эти причины подталкивали императрицу к постоянному поиску «опоры» с учетом общественного мнения российской аристократии. Важную роль в апробации различных представлений, идей, а также в формировании «нужного» для Екатерины II общественного сознания играла журналистика. Судя по содержанию ее собственного журнала «Всякая Всячина», императрица была заинтересована в обсуждении некоторых «этнографических» вопросов.

Тема маскарада, выбранная для рассмотрения различных эпизодов, связанных с упоминанием народов, служит прекрасным фоном, на котором видны приемы описания, без отвлечения на основные цели журнального текста.

Представления автора журнала «Всякая Всячина» о народах опираются на идеи Просвещения. Это дихотомия «цивилизация-варварство», вопросы воспитания и самовоспитания и др. Таким образом, под маской любого народа всегда скрывался европеец.

Представляется, что для автора не существовало четких критериев принадлежности к народам: подразумеваются и родство, и происхождение, и проживание, и патриотизм. А в некоторых случаях автор задумывался о приоритете гражданства или народного происхождения, наделяя понятия «русская», «русак» гражданской семантикой. Если же и обозначало понятие «русские» народ, то особенности этой группы населения не фиксировались, как в случае с камчадалом, а конструировались через сравнение с другими народами.

На страницах «Всякой Всячины» не представлено все многообразие народов Российской империи, а те исключения, которые встречаются в тексте, являлись скорее удобным средством, «маской» для представления других вопросов. Но все же журнал «Всякая Всячина», затрагивая в своих публикациях проблемы национального характера русских людей и влияния на их нравы, повествуя о народных обычаях и традициях, определяя свое видение национальной идентификации и используя названия разных народов (причем иногда с региональным колоритом), влиял на осознание этих вопросов своей читающей публикой.

Summary

L.V. Fomina. Representation of Multi-National Empire in “Vsyakaya vsyachina” Magazine.

The paper views texts of “Vsyakaya vsyachina” magazine (1769) focusing on presentations of the Russian Empire peoples and stereotypes about them. Moreover, the peoples’ images are examined with regard to theatrical cultural life of late 18th century. Mechanisms of the creating people’s image are revealed, as well as criteria of belonging to a certain people, and community boundaries. Influence of the Enlightenment ideas on the formation of people’s images in Russian Empire is investigated.

Key words: ideas of Enlightenment, image of people, “civilization-savagery” dichotomy, theatrical act, national character, folk customs and traditions.

Литература

1. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 130 с.
2. Рузавин Г.И. Коммуникация // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
3. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). – М.: Рос. полит. энцикл., 1999. – 302 с.
4. Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации. – СПб.: Питер, 2005. – 288 с.
5. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 468 с.
6. Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. – М.: Наука, 1964. – 230 с.
7. Солнцев В. «Всякая Всячина» и «Спектатор» // Журн. М-ва нар. просвещ. – 1892. – № 1, Отд. II. – С. 134–138.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1999. – 413 с.
9. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 560 с.
10. Всякая Всячина. – <СПб>, 1769.
11. Резвых П.В. Просвещение // Культурология. Энциклопедия. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – Т. II. – С. 301–304.
12. Резвых П.В. Новоевропейское мышление // Культурология. Энциклопедия. – М.: Рос. полит. энцикл., 2007. – Т. II. – С. 82–86.
13. Стенник Ю.В. Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. – СПб.: Наука, 2002. – Сб. 22. – С. 85–95.
14. И то и сию. – <СПб>, 1769.
15. Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI – XVII вв. // Ab Imperio. – 2003. – № 3. – С. 101–118.

Поступила в редакцию
21.01.09

Фомина Людмила Васильевна – аспирант кафедры отечественной истории до XX в. Казанского государственного университета.
E-mail: fomlv@mail.ru